

Рябцов
Олег

4

ТОВАРИЩ О ТОВАРИЩЕ

ПУТЬ К ОБРАЗУ

О РГАН стихал, печальные торжественные звуки «Аве-Марии» гасли где-то под сводами. И оставались лишь глаза Малыша — широко распахнутые, без боли, без чувств, как укор человечеству. Бессмысленные, пустые, хотя только что в них билась мысль, пульсировала жизнь...

...В театральной практике не часто встречается такое счастливое стечение обстоятельств, когда все способствует удаче, позволяет судить о богатых творческих возможностях театра. Обращение Ферганского русского театра к трагикомедии «Затюканный апостол» А. Макаёнка обусловливает ее социально отчетливой гуманностью, антибуржуазной направленностью, психологической глубиной характеров, остротой конфликта. Но успех постановки был бы немислим без актера, способного раскрыть, передать трагедию главного действующего лица — трагедию большой, яркой человеческой личности в бесчеловечном мире.

Эту роль доверили Олегу Рябцову, актеру богатого дарования. Раньше он был знаком зрителю больше по комическим, острохарактерным ролям: Труффальдино в «Слуге двух господ», К. Гольдони, пан Лопуцковский из пьесы Квитки-Основяненко «Шельменко-денщик». Рябцов привлек внимание постановщика «Затюканного апостола» той свободой, органичной достоверностью, с какой он играл в своеобразных ситуациях комедии. Для новой роли нужен был актер большого трагедийного звучания. И режиссер сделал вот такой, на первый взгляд, парадоксальный выбор.

Первое знакомство с образом нередко накладывает отпечаток на всю дальнейшую работу актера. С первой читки пьесы Малыш вырисовывался нервной, чутко реагирующей на все, тонкой натурой. Оправдывалась характеристика, данная автором: «И послал им господь не дитя, а комок горячих нервов». Вначале даже пугало, что автор дает Малыша маленьким философам, поражали ум, начитанность: как бы не сделать его таким заумным старичком. Режиссер-постановщик спектакля Е. М. Гасин заранее предупредил, что материал пьесы архитруден, легко запутаться в дебрях сложного внутреннего мира

Малыша, умудренного не столь жизненным, сколько почерпнутым из книг и выступлений любимого телекомментатора опытом.

...И все же в этой работе не было того, что обычно зовут муками творчества: непонимания между актером и режиссером, ошибок, срывов. После тщательного разбора пьесы оказалось: у самого автора все очень конкретно, психологически точно мотивировано.

Малыш Рябцова страстно ищет, находит и познает правду — она и в прошлом человечества, в той громаде книг, где перед ним чередой проходят мыслители, поэты, полководцы, герои, гении и мученики... Правда и то, что окружает героя: мелкая, неуклюжая семейная возня, стереотипная ложь политиков и телекомментаторов... Правда — это и «охапка лжи на день», как Малыш саркастически называет газеты... Но как она завуалирована, эта правда! Как трудно докопаться до нее!

— Ма-а-ма! Я ведь с тобой искренне, откровенно, как с мамой. А с кем же еще? — тянется он к матери, и такая бесхитростная любовь в его глазах, желание быть понятым. Но мать способна лишь на стандартные, готовые ответы, включенные в ее программу воспитания. Она не хочет пускать его в свой, взрослый мир. А каков этот мир? Каков на самом деле?

...Так шаг за шагом прослеживается весь образ. Намеченный ранее (с режиссером) эскиз человека обретает плоть и кровь. Бывает, что Олег так и просидит целый вечер — молчаливый, угрюмый, весь в себе. Его одолевают догадки, сомнения, раздумья, какие-то свои, из глубины памяти, воспоминания. Пожалуй, аналитический подход не в характере Рябцова, ему надо сердцем дойти до внутренней сути героя. Этот увиденный, угаданный сердцем образ в дальнейшем — как идеал.

...«От меня требуют: что бы я ни сделал, даже если нашодил, — не таиться, признаваться. А почему же они?». Уже здесь первые горькие сомнения, разочарования героя. И вдруг подслушанные разговоры по телефону, где враз пред-

стают пошлость и омерзительность родителей, раскрывается их сущность. Это — победа Малыша, горькая правда, которую он сам узнал. И распятый бог был свидетелем этой правды, а ведь Малыш верил: если что-то не так, бог спихнет его сверху, накажет. Бог промолчал, разгневались Папа и Мама. И, как вызов, звучит отчаянная пляска с куклой. Истерично заходится сестра в крике, умоляя его прекратить дикий танец. Она слишком наивна и добра, чтобы принять такую правду, ее корбит.

Но Малыш уже опытен, он понял: жизненные принципы его семьи ничем не отличаются от принципов «большого» мира. И он начинает экспериментировать на родителях — тут и шантаж, и ложь, и подкуп — вся та жизненная философия, которую ежедневно преподает его любимый комментатор.

Рябцов так подвижен, быстр в соображении, скор на выдумку, что невольно возникает сравнение его с пружиной: по мере того, как она стремительно раскручивается, все и вся падает в этот вихрь событий. «Все беды человечества от недостатка информации», — этой фразой он разом останавливает вопли сестры о приезде дедушки. В голове его зарождается очередная блестящая идея, глаза загораются лихорадочной веселостью. Для Малыша сейчас важно — кто же Дедушка? Может, он поймет?

Малыш вправе требовать правды: «Вы тратите десятки, сотни миллиардов долларов на войну. С кем? С голодными, босыми, раздетыми, бе-едными! — разве это можно понять?». Дед приходит в ужас от таких речей. Кто он? Коммунист? Анархист? И только мать безапелляционно констатирует: «Хулиган».

Да, для них он зарвавшийся мальчишка, которого нужно немедленно стянуть с книжного стеллажа, куда он забрался от их нападков, и надавать ремня! Вот тут-то Малыша прорывает, выплескиваются наружу горячо и неудержимо чувства, которые он таил давно в себе.

...Сцена эта труднейшая

для Рябцова, требующая огромного эмоционального напряжения. Надо было накопить в себе такую бурю чувств, чтоб она вихрем взнесла его туда, где висит распятый Христос, и неудержимо затем увлекла вниз, за окно... многоэтажного дома. Мгновенная яркая вспышка, после которой в душе опустошение полное... Рябцов делает это настолько мастерски, что эпизод, заключающий всю суть спектакля, выглядит как общественное обвинение тому кругу людей, который доводит его до безумия своей узаконенной, бессовестной, воинствующей ложью.

В одном из спектаклей в этот момент у героя Рябцова слезы на глазах. Их не было раньше, и даже не представлялось, что он может плакать: просто, как мальчишка, глубоко и бесчеловечно обиженный. Но Малыш разоблачающий, Малыш в исступлении — это взрослый человек, мудрее и старше их всех, стоящих внизу. И вдруг пришло щемящее чувство одиночества и обреченности, осенило: ведь этот крик — как в горящем, но заколоченном доме...

Так Рябцов рисует гибель человека, которому нет жизни в окружающем мире. В этой сцене исполнитель сам рождается снова и снова как художник, держит экзамен на творческую зрелость. Углубленный интерес к жизни человеческого духа, стремление постичь диалектику психологических движений свидетельствуют о большом творческом росте актера. Ему необходим именно сейчас, когда он в расцвете творческих сил, значительный по своим идейно-художественным качествам, разнообразный драматический материал. Сейчас Рябцов увлеченно занят новой работой — это Валентин в спектакле «Валентин и Валентина» по пьесе Рошпина. Давно и очень нужна была эта роль, где есть возможность для создания полнокровного, впечатляющего образа современника, всем своим существом, делами и помыслами связанного с волнующими вопросами бытия советской молодежи.

Р. ГАЛЕЕВА.

Актриса областного русского драматического театра имени М. Горького.